

Т У Ш И Н И.

(Этнографический очеркъ).

**Характеръ страны; местоположение. Племенной составъ. Бытъ. Религія.
Положеніе женщины. Обычное право. Поэзія.**

Лѣтомъ 1888 года мнѣ удалось побывать и на сѣверномъ, и на южномъ Кавказѣ, и въ Пшаветіи, и въ Тушетіи, трудно-доступной странѣ грузинскихъ горцевъ. Я не буду утомлять читателей описаніемъ дикаго Дагестана и Кизлярскаго округа, гдѣ я проѣздомъ посѣтилъ двѣ деревни грузинъ, сохранившихъ въ полной чистотѣ, среди русскаго и чеченскаго населенія, національные нравы, обычай, языкъ и поэзію. Я обращаю вниманіе на Тушетію, какъ на одинъ изъ чудныхъ уголковъ прекраснаго Кавказа. Я никогда не забуду Панкіssкаго ущелья—этой маленькой, живописной долины, окаймленной темными дремучими лѣсами и перерѣзанной бурною рѣкою Алазанью, въ которую съ дикимъ ревомъ несутся прохладныя горныя рѣчки и низвергаются пѣнящіеся водопады, а вдали—величественно возвышаются Кавказскія горы, вѣчно покрытыя снѣжной чалмой. Эти вѣковѣчные дубы и столѣтнія ореховыя деревья многое могли бы сказать изъ минувшей старины и изъ вольной жизни горцевъ, исполненной постоянныхъ тревогъ и непрерывныхъ волненій. Въ тѣни ихъ чувствуется какая-то неизъяснимая нѣга и свобода, а свѣжій оживляющій вѣтерокъ, подъ отдаленный плескъ водопада, заставляетъ человѣка забыть всѣ житейскія не-взгоды и помыслы и погрузиться въ созерцаніе открывающейся предъ нимъ могучей, дивной картины. По мнѣ, это поистинѣ—краса природы.

Къ западу отъ скалистой Пшаветіи лежитъ Тушетія,—головить въ своемъ „Географическомъ описаніи“ грузинскій ученый царевичъ Вахушти. На восточной границѣ Тушетіи живутъ дидойцы, на съверной чеченцы, а на южной кахетинцы. Тушины, сами себя называвши „кавказцами“, не были известны древнимъ классическимъ писателямъ, по крайней мѣрѣ, до V вѣка по Р. Х. Но въ VII в. они упоминаются въ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, рядомъ съ „хебурами“, т. е. хевсурами. Нѣкоторые хотятъ видѣть въ „тускахъ“ намекъ на тушинъ (Берже). Въ грузинской лѣтописи „Картлисъ-Цховреби“ тушины, или туши, какъ называются ихъ грузины, были известны какъ мужественные воины, а въ концѣ XVIII в. они составляли вѣрную охранную гвардію царя Ираклія II.

Тушины вынѣ составляютъ четыре общины: *цовы*, *чалины*, *порикительцы* и *юменрельцы*. Послѣднія три общины говорять грузинскимъ языкомъ и населены народомъ безспорно картвельского племени; населеніе же первой общины представляетъ смѣсь грузинъ и огрузинѣвшихъ кистинцевъ. Изъ смѣшнія языковъ этихъ двухъ народовъ лексически образовался тушинскій языкъ, который включилъ въ себя такъ много грузинскихъ словъ, что онъ сталъ непонятнымъ для современного кистинца и чеченца. Тушины цовцы безъ исключения всѣ знаютъ грузинскій языкъ, усвоили грузинские нравы, обычай и, что всего любопытнѣе, не создавъ на своеі языкѣ народной поэзіи, распѣваютъ пшаво хевсурскія или собственно тушинскія пѣсни на грузинскомъ языкѣ.

Часть жителей Тушетіи, вѣроятно, переселилась еще во время самостоятельного существованія Грузіи изъ Карталиніи и Имеретіи, что подтверждается одинаковымъ распространениемъ нѣкоторыхъ фамилій въ Грузіи и Тушетіи: та-ковы Догазидзе, Кадагидзе и др. Выселеніе въ горы мирныхъ обитателей долины объясняется желаніемъ избѣжать суровыхъ наказаній и непосильныхъ государственныхъ повинностей, а также страхомъ предъ постоянно угрожающимъ вторженіемъ окружающихъ свирѣпыхъ мусульманъ и неукроти-

мыхъ кавказскихъ горцевъ. У насть есть точное свидѣтельство о томъ, что слѣдствіемъ разоренія Грузіи въ XVIII в. Ага-Магометъ-Ханомъ, шахомъ персидскимъ, была эмиграція жителей равнинъ въ Кавказскія горы.

Тушини-цовцы ведутъ полукочевой образъ жизни. Земледѣлемъ они не занимаются; единственное ихъ занятіе—скотоводство. Зимой они живутъ въ Алвани, съверной части Кахетіи, а лѣтомъ направляются съ женами и дѣтьми въ горы Тбатана, Сакорне и въ верховья рѣки Алазани. Здѣсь они живутъ во временныхъ палаткахъ собственного издѣлья, а въ Алвани въ это время нельзя встрѣтить ни единой души, и каменные строенія, украшающія деревню, представляютъ какъ бы печальные остатки послѣ непріятельского вторженія. Въ Алвани имѣется сельская школа—единственный разсадникъ образованія въ цѣлой Тушетіи.

Жители трехъ остальныхъ грузинскихъ общинъ вполнѣ привыкли къ осѣдлой жизни; они занимаются земледѣлемъ, отчасти скотоводствомъ, не совершая далекихъ перекочевокъ, въ противоположность цовцамъ, хотя случается, что и нѣкоторые изъ горныхъ тушинъ, вслѣдствіе недостатка пастбища, спускаются зимой въ Алвани, которая составляетъ общее владѣніе всѣхъ четырехъ тушинскихъ общинъ: каждый тушинъ имѣеть право въ Алвани построить домъ и пасти скотину, гдѣ ему угодно.

Земля, на которой живутъ тушкины и пасутъ стада,—государственная. Поземельное владѣніе до послѣдняго времени не было точно разграниченено: нѣкоторые обрабатывали 15 десятинъ, а другие лишь поль-десятины. Въ послѣднее время, по распоряженію Тіонетскаго уѣзднаго начальника кн. Джандіери, неравномѣрное владѣніе землей уничтожено: каждый тушинъ получилъ около 4 десятинъ, хотя онъ можетъ вспахать и участокъ односельчанина по добровольному съ нимъ соглашенію и чувству товарищества, но не по праву полнаго владѣнія, какъ это было прежде. По распространенному изстари обычаю, онъ не можетъ продать своего надѣла другому или вспахать поле въ районѣ другой деревни.

Пастбища у тушинъ находятся въ общинномъ владѣніи. Лѣсь „Отхитвали“ (четыре глаза) на р. Алазани, купленный на общія средства всѣхъ тушинъ, также составляетъ общую собственность. Государственную подать до сихъ поръ платили въ размѣрѣ 3 р. 50 к. съ дыма, теперь же она возвышена. По инициативѣ тушено-кахетинскаго пристава г. Гугушвили, эта подать распределена по имущественному состоянію каждого и платится каждымъ дымомъ въ размѣрѣ 4—25 руб. При подобной раскладкѣ подати руководились тѣмъ соображеніемъ, что имѣюще большее количество скотины и болѣе другихъ пользующіеся лѣсомъ должны платить и подати больше, чѣмъ маломочные ихъ сосѣди.

Тушки любятъ чисто жить; землянки имъ неизвѣстны; комната для гостей почти у всѣхъ имѣется. Домъ убранъ коврами, которые вяжутъ тушки и красятъ сокомъ разноцвѣтныхъ травъ. Мужчины дѣлаютъ сундуки, корыта и продаютъ ихъ въ Кахетіи; въ работники они не идутъ, а крѣпостное право никогда не было имъ извѣстно. По характеру они отличаются добродушіемъ и гостепріимствомъ.

При обзорѣ нравовъ и обычаяевъ тушинъ мы не дѣляемъ различія между цовцами и грузинскими общинами тушинъ. Цовцы, съ тѣхъ поръ какъ спустились съ горъ, заселили четыре построенные ими деревни: *Алаваны*, *Гургадчала* (круглая роща), *Пхакамкура* и *Цонура*, усвоили грузинскій языкъ, нравы, поэзію и религіозныя представлія. Но вообще нужно сказать, что у тушинъ меньше сохранились остатки старины: христіанство и новые административные порядки въ Тушетіи успѣшилъ, сравнительно съ Шавшетіей и Хевсуретіей, уничтожаютъ слѣды прежніго національного быта.

Тѣмъ не менѣе на ряду съ православнымъ духовенствомъ представители прежней языческой религіи—*деканози*, *хевись-бери*, *хуци*, *мнате*, и теперь еще играютъ не маловажную роль на народныхъ праздникахъ, хотя прежній ихъ обширный кругъ дѣйствій крайне суженъ и ограниченъ. Деканози въ старину, по всей вѣроятности, были языческій жрецъ,

исполнитель религіозныхъ обрядовъ; *хевисъ-бери* (въ переводѣ значить: старецъ ущелья) былъ главнымъ административнымъ представителемъ, предводителемъ на войнѣ и судьей въ мирное время. Но такое раздѣленіе властей съ течениемъ времени утратилось; иные порядки сгладили различіе между хевисъ бери и деканози, и теперь народъ, отожествивъ ихъ, приписываетъ имъ одну и ту же религіозную компетенцію съ древнійшихъ временъ. Это можно объяснить тѣмъ, что тушки легче и раньше отказались отъ своихъ юридическихъ порядковъ, чѣмъ отъ религіозныхъ представлений, которые глубже укореняются въ сознаніи народа.

Хевисъ-бери и деканози можетъ быть лицо, безуокризнико проведшее дни своей жизни, не замѣченное своими собратьями въ дѣлахъ предосудительныхъ, безнравственныхъ и вредныхъ народнымъ интересамъ. Эта религіозная компетенція наследственно не передается; хевисъ-бери — лицо выборное. Кандидатъ на эту почетную обязанность указывается *кадаи* (оракуломъ), который говоритъ по волѣ божества и одаренъ способностью прорицанія; но случается, что помимо провозглашенія кадаги въ отправлениѣ высокой должности хевисъ-бери вступаетъ самовольно лицо, считающееся по своей добродѣтельной жизни достойнымъ занимать постъ народного представителя и несомнѣнно подающее надежды своей усердной службой святыму оказаться на высотѣ своего назначения. Число хевисъ-бери при одномъ святомъ не превышаетъ 3—4. Права и обязанности ихъ точно не разграничены. Можно сказать, что одинъ изъ нихъ признается старшимъ, а остальные считаются его подчиненными. Первому принадлежитъ исключительное право рѣзать жертвенныхъ животныхъ, прижигать имъ шерсть восковой свѣчой и дѣлать кровью жертвы изображеніе креста на лбу жертвователя. Второй хевисъ-бери, по приказанію первого, собираетъ лепешки, хлѣбъ для пива, а третій варить пиво. Въ отсутствіе старшаго хевисъ-бери его помощники поочереди исполняютъ его обязанности, при чемъ ихъ священно-

дѣйствіе не считается въ глазахъ народа менѣе угоднымъ и пріятнымъ „всемогущему“ святыму.

Если хевись-бери (деканози) назовемъ первосвященникомъ, то стоящаго одной ступенью ниже исполнителя религіозныхъ обрядовъ—*хуци*—следуетъ уподобить простому жрецу при капище. Капища строятся въ мѣстахъ, заросшихъ лѣсомъ, большою частью на горѣ. Комната, называемая *хата* (образъ), составляетъ главное отдѣленіе храма, въ которомъ часто нѣть ни одного образа; его замѣняетъ единственная святыня народа—*дроша*, знамя съ колокольчикомъ, напоминающее хоругву. Только при видѣ дроша народъ снимаетъ шапки и дѣлаетъ движение рукой вдоль груди, какъ бы творя крестъ. Хуци съ разрѣшенія и благословенія главы священнослужителей исполняетъ всѣ тѣ обязанности, которыя возложены на хевись-бери. Онъ совершаетъ таинства вѣнчаній, причащенія, обряды погребенія и освященія дома послѣ разрѣшенія жены отъ бремени, отъ чего по представленію тушинъ, домъ наполняется скверностью и требуетъ очищенія молитвой и водосвятіемъ. На послѣдней ступени іерархической лѣстницы стоитъ *мнате*, соотвѣтствующій нашему церковному старостѣ. Мнate является исполнителемъ распоряженій хевись-бери; онъ рѣжетъ жертвенныхъ животныхъ послѣ того, какъ деканози благословилъ ихъ и поднялся на небольшое, съ этой цѣлью устроенное возвышение для произнесенія умилостивляющей молитвы. Мнate наблюдаетъ за пожертвованными садами, баранами и за всѣмъ движимымъ достояніемъ святого, которому онъ служить, а въ день его праздника онъ является главнымъ распорядителемъ на обѣдѣ богомольцевъ и щедро угощаетъ ихъ виномъ изъ собственного сада святого. Онъ же принимаетъ приносимыя богомольцами жертвованія, которыя опредѣляются усмотрѣніемъ кадаги: барана, вино, курицу, нитяные пояса, колокольчики и др.

Чтобы дать читателю представление о празднествахъ тушинъ, опишемъ праздникъ креста св. Георгія Лаша (17—18 июля), извѣстный подъ именемъ *Лашароба* или *Лашрисъ-*

Лжероба. На этомъ празднике можно видѣть представителей разныхъ народностей Кавказа: тушинъ, пшавовъ, хевсуръ, кистинцевъ, карталинцевъ, кахетинцевъ и др. Богомольцы, являясь босикомъ и въ бѣлыхъ одѣяніяхъ по данному обѣту, снимаютъ ихъ со вступленіемъ въ ограду св. креста и бросаютъ въ яму, вырытую специально съ этой цѣлью. Предъ оградой находится другая яма, въ которую спускаютъ кровь жертвенныхъ животныхъ. Тутъ же, на небольшомъ возвышеніи лежитъ крестъ, стоитъ сосудъ съ освященной водой для окропленія приходящихъ молящихся. Хевисъ-бери работаютъ усердно и съ сознаніемъ своего достоинства: рѣжутъ барановъ, ихъ кровью окропляютъ рабкихъ предъ святыней горцевъ и по очереди отдыхаютъ въ особомъ отдѣленіи, куда они одни пользуются правомъ входа. Здѣсь же стоитъ колокольня съ мѣднымъ куполомъ,увѣнчаннымъ св. крестомъ. Съ боковъ креста спускаются на цѣпяхъ маленькие колокольчики, пожертвованные религіозными горцами. У колокольни на небольшомъ возвышеніи стоитъ прислоненное къ стѣнѣ знамя Георгія Лаша, царя грузинскаго, сына Тамары, построившаго здѣсь нѣкогда церковь во имя св. Георгія. Народъ имъ строителя храма связалъ съ святымъ и обоготворилъ не совсѣмъ безукоризненнаго своего повелителя. Такъ думаетъ историкъ Вахушти; но болѣе справедливымъ представляется толкованіе, по которому слово „Лаша“ объясняется отъ слова „лашроба“ (походъ) и обозначается этимъ богъ войны, какъ римскій Марсъ; следовательно, эпитетъ „Лаша“ сближается отчасти съ нашимъ „побѣдоносецъ“. На противоположной горкѣ возвышается часовня во имя Тамары, которую тушины считаютъ вѣчной дѣвой, какъ бы желая этимъ оправдать ея право на степень святой. Эти священные горки называются вмѣстѣ „моде-модзме“ (брать и сестра), хотя изъ исторіи известно, что Георгій Лаша былъ сыномъ Тамары, а не братомъ ея. Тамарѣ приносятъ въ жертву козлятъ, на которыхъ народъ смотритъ, какъ на порожденіе дьявола, но считаетъ ихъ необходимыми для прокормленія гончихъ

царицы. А для лошади св. Георгія хевисъ-бери покупаетъ на собранныя въ складчину деньги ячмень, обсыпаетъ имъ поль въ храмъ и площадь вокругъ него, чтобы лошадь святого не проголодалась и на каждомъ шагу могла подкрайплять ослабѣвшія силы.

Въ оградѣ храма Лашарисъ-Джвари указываютъ мѣсто, гдѣ росъ священный дубъ, срубленный какимъ-то кн. Эристовыемъ. За этотъ святотатственный поступокъ онъ до сихъ поръ проклинается народомъ. Рассказываютъ и чудо, которымъ сопровождалось уничтоженіе этого дорогого для всѣхъ горцевъ дерева, соединенного съ небомъ золотой цѣпью. Когда крѣпостные князя не могли свалить дуба, то велико было имъ найти немедленно человѣка, который указалъ бы орудіе для вырытия его съ корнемъ. Нашелся измѣнникъ народной святыни: одинъ пшавецъ обмазалъ кровью кошки священный дубъ, который немедленно былъ оставленъ ангелами, его хранителями; цѣпь, его обвивавшая, стянулась къ небу, самъ дубъ палъ на землю съ шумомъ, и было паденіе его велико. Съ тѣхъ поръ и началось несчастіе для Грузіи, говорить тушинъ и съ чувствомъ горести и злобы распѣвать жалобную пѣсню, сложенную въ честь Лашарисъ-Джвари, который горько оплакиваетъ въ ней вѣроломство измѣнника пшавца.

Причина привязанности тушинъ къ Лашарисъ-Джвари объясняется въ народной пѣснѣ. Между тушинами и пшавами была продолжительная вражда. Тушкины подъ предводительствомъ своего вождя, героя Талисдзе, спустились разъ въ Пшаветію для ея разграбленія, но все войско ихъ было перебито пшавами, и спасся одинъ лишь глава ихъ храбрый Тилисдзе. Когда мать спрашиваетъ его о результатѣ похода, вождь со скорбью въ сердцѣ говоритъ, что онъ потерялъ товарищей, погибшихъ будто бы отъ жажды въ тѣсномъ ущельѣ, гдѣ произошла схватка между тушинами и пшавами. Но онъ хорошо понималъ, что причина его пораженія заключалась въ гнѣвѣ Лашарисъ Джвари, который проклялъ тушинъ за вторженіе въ его священную обитель,

Пшаветю, и дарovalъ покровительствуемому народу полную побѣду надъ враждебными сосѣдями. Сознаніе этого преступленія предъ „всесильнымъ“ святымъ побуждаетъ тушину примириться съ нимъ, принести въ жертву не барана, а „бѣлаго рогатаго быка“ для полнаго искупленія своего преступленія; онъ отказывается, какъ говорить Вахушть, подобно пшавамъ и хевсурамъ отъ всѣхъ драгоцѣнныx вѣшей, найденныхъ въ его районѣ, и жертвуетъ ихъ въ храмъ св. Георгія для спасенія души.

Если праздникъ Лашрисъ-Джвроба сохранилъ еще древній характеръ, то другіе религіозные обряды тушинъ въ значительной степени утратили прежнюю свою окраску. Только свадьба и похороны, совершаemыя теперь по обрядамъ православной церкви, къ которой номинально причисляются тушкины,—отчасти указываютъ на остатки старины.

Тушкины, подобно другимъ горцамъ, имѣли обыкновеніе еще въ недавнія времена похищать невѣстъ. Администрація постепенно вытѣсняетъ этотъ способъ скрѣпленія супружескихъ узъ, но уничтожить его до сихъ поръ не была въ состояніи. Слѣды этой традиціи проявляются даже въ бракахъ, освящаемыхъ христіанскимъ духовенствомъ. Такъ, когда женихъ идетъ къ невѣстѣ, чтобы взять ее въ церковь, молодую укрываютъ въ отдаленной комнатѣ, и для свиданія съ ней необходимо подкупить родственницу невѣсты, чтобы она открыла и вывела пѣнницу изъ потаеннаго мѣста. Второй слѣдъ древняго обычая похищать невѣсту видимъ въ слѣдующемъ: при возвращеніи изъ церкви въ домъ жениха, молодыхъ не вводятъ въ комнату до тѣхъ поръ, пока сопровождающая невѣсту свита не потушитъ оружейными выстрѣлами зажженныхъ во дворѣ факеловъ *). Когда цѣль достигнута, гости приглашаются къ ужину; невѣсту одаряютъ деньгами, а жениху подносятъ шерстяные носки. На второй день съ лица невѣсты снимаютъ покрывало, заслоняющее ее

*) Мирная свита невѣсты—отдаленный намекъ на преслѣдователей хищнаго похитителя молодой тушкини, а обычай стрѣлять въ факель упоминается на прежнюю кровавую перестрѣлку между похитителями невѣсты и ея родными.

отъ любопытныхъ взоровъ тушинъ, а на третій день она возвращается въ домъ отца, гдѣ иногда остается по цѣлымъ недѣлямъ, мѣсяцамъ и годамъ, и лишь по истеченіи извѣстнаго срока мужъ береть ее къ себѣ въ домъ.

Похоронные обряды тушинъ представляютъ большой интересъ по остаткамъ старины. При погребеніи мужа жена не показывается, а приходящихъ для засвидѣтельствованія своего сочувствія принимаютъ дочери, сестры, родственницы умершаго. Если покойникъ мужчина и слѣдовательно въ глазахъ тушина былъ страшнымъ воиномъ, который всего болѣе дорожилъ воинскими подвигами и мужество всегда ставить выше всякой хитрости, то приходящій, войдя въ комнату, гдѣ лежитъ покойникъ, обращается къ нему съ восклицаніемъ, ударяя себя кулакомъ: „о, несчастный человѣкъ, ты преждевременно выбылъ изъ числа удачныхъ воиновъ!“ Присутствующіе подхватываютъ эту заплачку, и начинается плачъ и вой, раздирающіе душу. Для выраженія своей скорби женщины рвутъ на себѣ распущеные волосы, царапаютъ лицо; мужчины же обнаруживаютъ свое соболѣванованіе болѣе умѣреннымъ способомъ: они не стригутъ волосъ и не бреютъ бороды въ теченіе года, откуда и произошло ихъ название—„годичные монахи“. На смертномъ одрѣ тушина причащается хевисъ-бери тайнами собственнаго приготовленія—изъ хлѣба и пива, считая ихъ обладающими цѣбной силой. Но если уже молитва высокочтимаго жреца не спасетъ вѣрующаго горца и судьбѣ благоугодно будетъ взять его душу въ вѣчную жизнь, то бездыханный трупъ его кладутъ на доски, покрываютъ буркой, а на грудь его ставятъ подкову. Все, что было дорого покойнику въ жизни, все собираютъ теперь вокругъ него: рядомъ съ нимъ принято класть кинжалъ, а подальше ставить лошадь съ чернымъ покрываломъ; она провожаетъ трупъ до кладбища, на 7-й, 40-й день снова ведутъ ее на могилу хозяина, а въ концѣ года она отдается одному изъ родственниковъ, по указанію подкупленнаго заранѣе кадаги (оракула), который, по вѣрованію тушинъ, точно передаетъ непреклонное желаніе

ніе божества; но тушины еще хорошо помнятъ, что прежде лошадь покойника всегда отдавалась дядѣ его по матери. Въ этомъ обычай можно видѣть переживаніе такъ называемаго матріархата.

Для успокоенія души и для облегченія тягостей, выпавшихъ ей на томъ свѣтѣ, назначается въ концѣ года *оши*, т. е. стрѣльба въ цѣль и скачки. Въ скачкахъ участвуютъ 12—15 лошадей и всѣ получаютъ награды: первая прибывшая на мѣсто получаетъ барана, а затѣмъ градація наградъ идетъ постепенно ниже, и послѣдня лошадь беретъ лишь 50 коп.

Душа умершаго послѣ погребенія тѣла продолжаетъ жить среди своихъ родственниковъ. Она нуждается въ пищѣ и питьѣ, и потому за обѣдомъ и ужиномъ откладывается извѣстная порція для утоленія ея голода. Ухаживать за душой покойника крайне необходимо въ виду ея способности приносить пользу или вредъ сородичамъ, смотря по степени ихъуваженія къ ней.

Кромѣ души умершаго родственника, каждымъ шагомъ, каждымъ дыханіемъ тушина управляютъ злые и добрые геніи. Онъ боится зѣвнуть, чтобы дьяволъ не проникъ чрезъ открытый ротъ въ его душу. Его завлекаютъ злые существа въ непроходимыя дебри на същеніе дикимъ зѣвѣрамъ, а добрые геніи помогаютъ ему лишь тайно, невидимо.

Интереснымъ представляется языческое понятіе тушинь о загробной жизни, хотя оно значительно ослаблено вліяніемъ христіанской религіи. Загробный міръ въ народныхъ пѣсняхъ тушинь именуется *сулети*, т. е. мѣстомъ, где покоятся души умершихъ. При входѣ въ это подземное царство сидятъ „строгіе суды“, которые принимаютъ умершихъ и остригаютъ у нихъ острыми ножницами два—три волоска. Сулети заключаетъ въ себѣ и адъ и рай, между которыми протекаетъ бурная смоляная рѣка, а чрезъ нее перекинутъ мостъ изъ одного волоска. Праведники благополучно направляются и достигаютъ рая; когда же грѣшники вступаютъ на этотъ злополучный мостъ, онъ тотчасъ проваливаетъ

ся: они падают въ огонь, и пламя моментально охватываетъ ихъ съ ногъ до головы. Рай наслѣдуютъ всѣ безупречно проведшіе дни земной жизни, а въ адъ попадаютъ всѣ опозорившіе свое имя какимъ-нибудь недостойнымъ дѣяніемъ, при чёмъ наказаніе этихъ грѣшниковъ опредѣляется степенью гнусности ихъ поступка: солгавшіе вѣшаются въ аду за кончикъ языка; вступившіе въ противоиравнственныя связи съ кумой подвергаются оригиналной хирургической операциі: у нихъ вырѣзывается на шашлыкъ мясо съ лядвей, а кончикъ языка просверливается остріемъ ножа; кто разстроитъ могилу, которую охраняетъ особый богъ, подобно римскому Гермесу, карается тѣмъ, что обрекается вѣчно носить на своихъ плечахъ тяжелые камни. Для грѣшниковъ другихъ категорій тушины не назначаютъ специальныхъ наказаній: всѣхъ ихъ опускаютъ головой въ котлы, которые наполнены горячей смолой, а вокругъ бушуетъ адское пламя бѣшеной геенны.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о положеніи женщины въ Тушетіи. Степень уваженія къ женщинѣ зависитъ отъ личныхъ ея нравственныхъ качествъ. Послѣ оружія тушины всего болѣе дорожитъ неприкосновенной честью женщины. Защита ея цѣломудрія не разъ служила причиной поднимать знамя войны противъ враждебныхъ сосѣдей. Деревня закладывала все свое достояніе, чтобы искупить похищенную лезгинами тушинку изъ унизительного для нея плѣна. Сама женщина умѣеть постоять за себя и удачнымъ выстрѣломъ ловко укладывать дерзкаго ухаживателя. Вѣрность жены мужу считается ея священной обязанностью, а измѣна съ ея стороны представляется тушину величайшимъ позоромъ, оскорбляющимъ его честь и задѣвающимъ его за самые чувствительные нервы. Послѣдовательность въ примѣненіи чувства вѣрности и преданности жены мужу создала и развила въ древности обычай закалывать и хоронить жену съ умершимъ мужемъ. Слѣды этого обычая видимъ и теперь въ отсутствіи у вдовы косы, которая у нея отрѣзывается по смерти мужа. У замужней женщины локонъ распущены, а волоса

закиты, а у дѣвицы заплетены и волоса и локоны. Поэтому внешнимъ признакамъ можно отличить вдову отъ замужней женщины и отъ дѣвицы. Всѣ онѣ носятъ большой платокъ или шаль на головѣ подъ названіемъ мандили. Мандили имѣть важное значеніе въ глазахъ горцевъ: онъ представляетъ неприкосновенную святыню для вражескихъ рукъ и защиту противъ нечестивыхъ поползновеній. Мандили не разъ прекращать споры и кровавыя столкновенія между враждебными фамиліями. Разъ женщина сняла мандили и положила его у ногъ разъяренного горца, послѣдній долженъ вложить вынутый кинжалъ въ ножны и отступить немедлено назадъ: переступить чрезъ мандили считается равносильнымъ оскорблѣнію женской чести.

Женщина у тушинъ отличается застѣнчивымъ, стыдливымъ характеромъ; она прячется отъ глазъ неожиданнаго гостя, говорить только съ родственниками и близко знакомыми, и вообще чѣмъ она меньше связана, тѣмъ выше цѣняются ея личные качества. Она бойкая, трудолюбивая хозяйка, вѣрная и незамѣнимая помощница мужу въ полевыхъ работахъ, любящая и нѣжная мать своихъ дѣтей. Тушинка поставила себя въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ женщины другихъ окружающихъ горцевъ и ближайшихъ сосѣдей хевсуровъ. У тушинъ не встрѣчаемъ сильно распространеннаго у хевсуровъ обычая, въ силу котораго женщина, отправляясь въ путь съ мужчиной, слѣдуетъ за нимъ пѣшкомъ, держась за хвостъ лошади своего неблаговоспитанного кавалера, Ѣдущаго верхомъ. Тушинъ никогда не унижаетъ жену до положенія прислуго, но онъ не забываетъ и своего личнаго достоинства: онъ не согласится отправить жену верхомъ, а самому пуститься въ догонку; онъ предпочтеть идти съ женой пѣшкомъ, а лошадь съ легкимъ багажемъ вести подъ уздцы. Дѣлаетъ онъ это изъ деликатности, хотя считаетъ себя полнымъ господиномъ жены. Обычай предоставлять ему еще недавно право отрѣзать ей носъ, если она нарушила святость супружеской жизни, а также прогнать ее въ случаѣ бездѣтности, заплативъ ей *самцунебро*, т. е. нѣсколько барановъ.

Вообще она считается не полнымъ человѣкомъ: известно изъ обычнаго права тушинъ, что убийство женщины оплачивается штрафомъ въ 30 коровъ, чтѣ составляеть какъ разъ половину пени, какой подвергались виновные въ убийствѣ мужчины.

Вотъ еще нѣсколько фактовъ изъ практикуемыхъ у нихъ способовъ наказанія за уголовныя преступленія: за ударъ кинжаломъ платится 5 коровъ; *) если же остріемъ кинжала нанесена рана, тогда кровь стоитъ 15 коровъ. Рана на лицѣ измѣряется зернами ячменя: изъ того количества зеренъ, какое уложится на ранѣ, отбрасывается два зерна, а за каждое изъ оставшихся уплачивается корова. За украденную вещь воръ платить всемеро тѣмъ-же: если онъ украдъ однаго барана, то долженъ отдать потерпѣвшему семь барановъ. Для сравненія приведу нѣсколько постановлений обычнаго уголовнаго права у пшавовъ. Изъ моихъ разспросовъ выяснилось, что кровь мужчины у пшавовъ стоила прежде 80 коровъ (по законамъ царя Вахтанга за кровь крестьянина полагалось 120 руб. или 60 коровъ); за отсѣченіе руки полагалось 24 коровы (по законамъ Вахтанга 20 коровъ), за пораненіе ноги 16 коровъ, за поврежденіе глаза 16 коровъ (по законамъ Вахтанга 20 коровъ), за отсѣченіе мизинца 1 корова, за безъимянный палецъ 2 коровы, за средній палецъ 3 коровы, за указательный палецъ 4 коровы, за большой палецъ 5 коровъ, за вышибъ зуба 1 корова; угонъ стада считался у нихъ преступленіемъ равнымъ убийству человѣка. У кистинцевъ я записалъ слѣдующія данныя по этому же вопросу: за отсѣченіе руки полагается $\frac{1}{2}$ крови, т. е. половина 120 коровъ; глазъ стоитъ тоже полъ-крови; за пальцы наказаніе совершенно подобное тому, какое известно

*) За немѣцкіе коровы виновный можетъ уплатить другимъ животнымъ или вещами, для чего установлена сравнительная оценка между скотомъ и вещами. Такъ, напр., жеребѣцъ стоитъ 7 коровъ, кашарь 8 коровъ или 40 р., корова 4 барана, быкъ 7 барановъ, козелъ 80 коп., баранъ отъ 1 р. 30 к. до 2 р., масла лягра (9 фун.) 1 р.; когдѣ ишеницы (2 п. и 9 ф.) стоять 5 коровъ; ружье стоитъ 20 коровъ или 100 руб.

у пшавовъ; за зубъ 3 коровы; за похищениe женщины силой можно убить похитителя безъ наказанія; за воровство уплачивается 15 разъ больше украденной вещи. Кровная месть — законъ чести.

У тушинъ, какъ и у всѣхъ горцевъ, уголовный преступникъ судился прежде представителями всѣхъ общинъ. Высшимъ наказаніемъ считается отлученіе отъ народныхъ праздниковъ, изгнаніе изъ общины. Не менѣе тяжкимъ представляется побіеніе камнями, только не въ буквальномъ смыслѣ. Во время своего путешествія не далеко отъ селенія Дуси я обратилъ вниманіе на большую кучу камней, собранныхъ очень старательно въ горку. Мнѣ объяснили ея происхожденіе. Одинъ кистинецъ вошелъ въ противозаконную связь съ сестрой своей жены. За это преступленіе деревня рѣшила наказать его самымъ неумолимымъ образомъ, какой только ей бытъ извѣстенъ: присудили уплатить въ пользу отца жены 160 руб., развести виновнаго съ женой, а его самого побить камнями. Побивается не онъ лично, а его имя на перекресткахъ дорогъ, гдѣ каждый съ бранью оставляетъ камень, какъ быбросая въ него самого. При уплатѣ пени помогаютъ родственники, которые являются и соприяжниками, когда дѣло рѣшается присягой. У тушинъ присяга и клятва бываетъ двухъ родовъ: присягающій произносить ее, или обойдя три раза вокругъ жертвенника со знаменемъ, или же ставить его на колѣни близъ могиль своихъ предковъ, кладутъ предъ нимъ ослиное сѣдло и сосудъ, изъ котораго ѿли собаки, и, указывая на присягающаго, присутствующіе обращаются къ душамъ покойниковъ: „Усопшіе наши! — говорятъ они: приводимъ мы этого человѣка на судъ; отдайте его, кому хотите, въ жертву и услуженіе и дѣлайте съ нимъ, что хотите, если онъ не скажетъ истину“. Присягающій произносить клятву. Кромѣ присяги, судъ практикуетъ ордали, какъ средство для возстановленія и очищенія заподозренія въ извѣстномъ преступленіи. Изъ такихъ средствъ извѣстны между прочимъ кипятокъ и раска-

лениое желъзо. Старикъ Учкуо Ахадели *) разсказалъ мнѣ одинъ случай примѣненія кипятка. На одной мельницѣ на женщина пало подозрѣніе въ кражѣ одного мѣшка муки. Для того чтобы открыть воровку, рѣшили вскипятить воду и опустить туда юдкову; вынувшая ее съ обжогомъ должна была быть признана виновной въ кражѣ. Только одна изъ фамилии Джабіані оказалась невредимой послѣ испытанія; она была оправдана, а остальная признаны участницами въ воровствѣ. Ахадели рассказалъ мнѣ это съ понной вѣрой и безъ всякаго сомнѣнія въ дѣйствительности принятой мѣры. Виновницы кражи на этотъ разъ были наказаны. Но если кадаги (оракуль) отъ имени креста св. Георгія объявляеть, чтобы преступники были отпущены безъ возмездія, тогда въ благодарность святому приносится котелъ пива, жертвуется баранъ или корова, и тѣмъ происходит очищеніе преступника въ глазахъ земляковъ.

Остается упомянуть о поэзіи тушинъ. Поэзія тушинъ вообще мало известна. Мнѣ удалось собрать нѣсколько десятковъ пѣсенъ, которые даютъ возможность составить нѣкоторое понятіе объ ихъ поэтическомъ творчествѣ.

Но прежде, чѣмъ говорить о пѣсняхъ, я приведу для образца одну *легенду объ И. Христѣ и Ioannѣ Крестителе*.

Жилъ бѣднякъ съ женой. Онъ былъ такъ бѣденъ, что даже изорванная чоха представлялась ему пріятной мечтой. Подбирая лоскутки, онъ изъ нихъ готовилъ себѣ одѣянье. Прошло семь лѣтъ, у бѣдняка родился сынъ. Ни бѣдный, ни тѣмъ болѣе богачъ, не желалъ быть крестнымъ отцомъ его сына. Ioannъ Креститель, обращаясь къ I. Христу, говоритъ:

„Мальчикъ, котораго мы дали бѣдняку, остается безъ миропомазанія: крестимъ-те его“. — „Любезные кумъ и кума (обращаются они къ родителемъ мальчика), если вамъ угодно, мы крестимъ вашего сына“.

*) Учкуо—собственно значитъ „безъ ума“; въ Шаветії и встрѣтились трехъ лицъ съ такимъ прозвищемъ.

— Какъ вы можете у насъ крестить, когда у насъ нѣть ни вола, ни коровы?

— „Мы можемъ дать вамъ много добра, если только вы окажетесь достойными нашего благодѣянія“.

Кума за неимѣніемъ платья прячется за корзину, кумъ же корчится отъ продолжительного голоданія.

— „Если вы заслужите нашего вниманія, мы васъ обогатимъ: наполнимъ окрестныя поля и ущелья овцами и коровами“. — Сказали и ушли.

Проходить семь лѣтъ, а крестникъ ни разу не видѣлъ еще своего крестнаго отца. Разъ Иоаннъ Креститель говоритъ I. Христу: „отправляйся къ своей кумѣ, посмотри, какъ она тебя приметъ“. I. Христосъ пошелъ.

— „Къ намъ пожаловалъ дорогой кумъ“, — докладываетъ служанка своей хозяйкѣ.

— Пусть убирается отсюда! Что онъ такъ повадился къ намъ? Ничего хорошаго я отъ него не видала, хотя бы разъ онъ мнѣ принесъ на платье.

— Нѣть, уважаемая хозяйка, не говорите этого о немъ. Лучше зарѣжемъ откормленную курицу, разстелемъ дорогіе ковры и примемъ его радушно.

— Молчи, служанка, не позволяй себѣ много! Лучше отнеси ему кусокъ кукурузнаго хлѣба и немного кислаго молока. Если онъ голоденъ, то и это съѣсть, а если не хочешь, то пусть убирается, куда ему угодно.

— „Тебѣ бы лучше повидаться съ кумомъ“, — говоритъ I. Креститель Христу. — „Отъ женщины толку не добѣшься“.

Вотъ Христосъ идетъ навѣстить своего кума.

— Дорогой кумъ, дайте намъ шерсти: немного недостало для носковъ.

Взять кумъ и бросилъ горсть шерсти.

— Кумъ, зарѣжь намъ жирную овцу; за одну получишь тысячу.

— Если хорошую вамъ зарѣзать, то хромую для кого прикажете оставить?

Кумъ и кума возсѣли на золотой „тахтѣ“ (турецкій или,

лучшесказать, восточный диванъ).— „Разступись земля и скрой ихъ въ своей глубинѣ, этихъ неблагодарныхъ людей! Да обратится, кумъ, твоя борода въ траву, пусть вѣчно косить тебя косарь и пусть трава не истощается! А твоя кровь, кума, обратится въ корень марены, пусть грекъ тебякопаетъ безпрестанно и пускай ты будешь неистощима! А крестнаго сына возьмемъ съ собою, ибо миро священно“...

Поэзія тушины распадается на два периода: древнѣйшую— героическую и новую—лирическую. Между этими периодами слѣдуетъ поставить пѣсни исторического содержанія. Въ героическихъ пѣсняхъ тушины сохранили воспоминаніе объ Амиранѣ, который предпринимаетъ грозный походъ противъ персовъ, вслѣдствіе отказа испаганского владѣтеля выдать за тушинского героя дочь свою за мужъ. Амиранъ пригласилъ двухъ своихъ братьевъ Бадри и Усупи въ Джавахетію; они разбили тамъ втроемъ трехтысячное испаганское войско, похитили дочь шаха и умчали ее на быстромъ конѣ.

Далѣе известны еще героическія пѣсни сложенные въ честь Торгва Тилисдже, Ватадже, Гига, Зезва и другихъ героеvъ, которые отличились въ борьбѣ съ лезгинами, кистинцами, чеченцами. Гига воспѣвается какъ охранитель и защитникъ кровной мести. За убійство въ войнѣ своего брата Георгія, Гига уничтожаетъ цѣлый отрядъ лезгинъ и этимъ чувствительнымъ урокомъ ограждаетъ Тушетію отъ повторенія подобныхъ случаевъ вторженія со стороны кистинцевъ и лезгинъ.

Герой Зезва фигурируетъ между прочимъ въ нижеслѣдующемъ *сказаниіи о взятии Бахтріонской крѣпости*, которое привожу въ изложеніи. Объ этой крѣпости такъ отзывается географъ XVIII в. Вахушти: „Къ востоку отъ рѣки Алазани лежитъ крѣпость Бахтріони. Нѣкогда она представляла собою сильную твердыню, но теперь брошена“. Печальные развалины этой крѣпости дѣйствительно слабо напоминаютъ о ея минувшей славѣ. А вотъ что разсказываетъ о ней народное преданіе.

Два тушина изъ пирикительцевъ, охотясь за дикими ко-

зами, взошли на небольшую гору, откуда открылась имъ неизвѣстная до того времени роскошная Кахетія съ ея Алазанской долиною. Видъ восхитительной картины очаровалъ охотниковъ такъ сильно, что они рѣшили немедленно спуститься внизъ, въ Панкисское ущелье. Здѣсь они встрѣчаются татарскую стражу на рѣчкѣ Бацарись-Цкали. Татары нападаютъ на нихъ, захватываютъ въ пленъ и, мало того, надругаются надъ ними самымъ позорнымъ образомъ. Народъ, взволнованный этимъ гнуснымъ поступкомъ своихъ враговъ, разсыпаетъ гонцовъ къ пшавамъ и хевсурамъ, призываю ихъ къ мести за позоръ, который весь народъ терпитъ въ лицѣ своихъ собратовъ. Горцы откликнулись, собрались въ Тушенію пшавы, хевсуры, тушины близъ рѣчки, гдѣ обыкновенно рѣшались дѣла, касающіяся всѣхъ общинъ. Ополченіе раздѣлилось на два отряда: одинъ направился въ Панкисское ущелье, гдѣ и скрылся, другой — къ Бахтріонской крѣпости. Послѣднему отряду пришлось переправляться чрезъ рѣку по мосту, усыпанному золой съ тою цѣлью, чтобы по оставшимся на ней слѣдамъ знать направлѣніе враговъ. Тушины прибѣгли къ хитрости Виттекинда, подковали лошадей обратно и такимъ образомъ ввели въ заблужденіе татаръ относительно принятаго маршрута. Войско „султана“ погналось за ними, но какъ разъ въ другую сторону. Между тѣмъ отрядъ тушинь, пшавовъ и хевсировъ приблизился къ Бахтріонской крѣпости, занятой татарами. Ворота крѣпости были заперты и взять ее не было надежды. Но герой Зезва заранѣе предвидѣлъ это; онъ заготовилъ колъя, которые вбили въ стѣну, и, взобравшись по нимъ, спустился во внутрь крѣпости ¹⁾). Отворивъ ворота, онъ впустилъ поджигавшихъ соумышленниковъ, а татары, видя ихъ, выбѣжали въ поле. Погнался побѣдоносный отрядъ за татарами, на встрѣчу которымъ шелъ другой отрядъ горцевъ изъ Панкисского ущелья. Застигнутые въ серединѣ татары все были перебиты, почему Алванекое поле и получило название

1) Отсюда онъ получилъ прозваніе Гаприидзуми (отъ ярена — летать).

„ганицхветила“ (*ишихета* — истреблять). Хевсуры и пшавы взяли добычу, а тушины получили Алвани. Этимъ объясняется народъ происхожденіе Алвани, какъ общей собственности всѣхъ тушинъ. Самое название Алвани ставится въ связь съ грузинскимъ словомъ „али“ — пламя, такъ какъ дымились потоки крови татаръ, павшихъ на полѣ браны. По другому народному объясненію имя Алвани происходит отъ ал — господинъ или госпожа по кистински и *а* — здѣсь; *ал-вани* значитъ — „здѣсь есть“, т. е. здѣсь мѣстопребываніе царицы, именно Тамары, о чёмъ свидѣтельствуютъ развалины крѣпости.

Сохранился разсказъ о подвигѣ героя Зезва и въ пѣснѣ, которой я не считаю уже нужнымъ приводить. Сообщу взамѣнъ этого отрывокъ изъ весьма распространенной на Кавказѣ поэмы „Ростомъ“, содержаніе которой я передавалъ въ очеркѣ о пшавахъ и указалъ слѣды ея существованія у мохевцевъ.¹⁾ Уцѣльвшій эпизодъ у тушинъ передаетъ тотъ моментъ борьбы Ростома съ сыномъ своимъ Зурабомъ, когда послѣдній, пораженный отцомъ, испускаетъ духъ.

— Ты, старецъ, убѣленный сѣдинами,
Зачѣмъ вонзилъ ты въ меня свой мечъ до рукоятки!
Куда ты уйдешь отъ мести отца моего Ростома?
— Если ты сынъ Ростома, у тебя будетъ знакъ на
тѣлѣ.

О, горе! Сынъ мой, Зурабъ, ты убить рукой отца!
Не моя вина, виновата твоя мать.
Кто повѣрить женшинѣ, да лишится могилы!

Въ историческихъ пѣсняхъ воспѣвается царица Тамара и царь Иракій II. Въ уста Тамары влагается грустное размышленіе о томъ, что она, при всей своей земной славѣ, не смотря на то, что побѣдоносно пронеслась отъ Испаганіи до Константиноополя, наложила дань на Турцію и Персію и была грозною повелительницею поль-мира,—все таки унесла

¹⁾ См. „Сборн. материаловъ по этнографіи“, изд. подъ ред. В. Ф. Миллера (Москва 1888), книга III, стр. 94.

съ собою въ вѣчную жизнь лишь семь аршинъ грубаго холста. При этомъ вспоминается изреченіе мудраго Соломона, который, изобразивъ тщетную борьбу человѣка на землѣ, восклицаетъ съ чувствомъ безгравичнаго отвращенія отъ свѣта: „все суета!“ Въ другой пѣснѣ воспѣвается царь Ираклій II, который навѣль такой ужасъ на лезгинъ и кистинцевъ, что они вынуждены были скрыться въ горы и на долго отказаться отъ разграбленія тушинскихъ стадъ.

Съ неменьшимъ успѣхомъ онъ управлялся и съ турками:

Ираклій, Карталинскій повелитель,
Божьей волею взялся за мечъ.
Загремѣть въ барабаны, заиграть въ свирѣли
И собралъ сильный отрядъ.
Соорудивъ желѣзныя телѣги,
Онъ наполнилъ ихъ оружіемъ;
На рѣкахъ мосты построилъ.
Разрушивъ турецкій городъ до основанія,
Ираклій взялъ много добычи.

Въ трудныя минуты, подъ натискомъ врага, всегда вспоминали тушкины этого героя-царя, сожалѣя, что онъ не придетъ заступиться за нихъ, и придавая себѣ храбрости однимъ воспоминаніемъ о немъ:

Возстань, проснись, герой героевъ!
Вѣдь ужь слышится крикъ враговъ:
Пусть не застанутъ они насъ безпомощными:
Начнемъ-те ихъ разить, какъ прежде разили!..
Но мы видимъ, что ты медлишь,
И намъ не вернуться домой!..
Поле и площадь усыпаны жемчугомъ,
И онъ собирается тѣмъ, кто совершилъ подвигъ;
Но горе измѣнику отечества на томъ свѣтѣ:
Будеть онъ брошенъ въ огонь неугасаемый!

Послѣ смерти Ираклія не только Тушетія, но и вся Грузія сдѣлалась ареной кровавыхъ сценъ. „Пали желѣзныя врата, погибъ тушинъ, умеръ царь Ираклій—неуязвимая твердыня

безопасности Грузіи!“ Царица убивается надъ безжизненнымъ трупомъ супруга; она призываетъ тушины, вѣрныхъ воиновъ Ираклія, противъ враговъ, уже разсуждающихъ надъ свѣжей могилой царя, кому овладѣть престоломъ. Видно, что пѣсня эта сложена женщиной, потому что она оканчивается такимъ восклицаніемъ: „О, если бы я была мужчиной, то одѣлась бы въ кольчугу и первая вонзила бы кинжалъ въ сердце ненавистнаго врага!“

Такимъ энтузиазмомъ проникается слабая натура женщины въ предчувствіи позора, ожидающаго Грузію. Не даромъ женщина служить предметомъ поэтическаго воодушевленія тушины и воспѣвается какъ хранительница завѣта предковъ, съ презрительнымъ укоромъ обращающаяся къ самимъ же тушинаамъ, потерявшимъ прежній отважный геройскій духъ. Если теперешній мужчина уже не тотъ безстрашный воинъ, о которомъ прежде мечтала тушина, зато она та-же скромная и вѣрная супруга со всѣми качествами, которыми тушина чрезвычайно дорожить. Онь воспѣваетъ ея черные глаза, черныя кудри, и, по своей любви къ фигуральнымъ выраженіямъ, сравниваетъ ея носъ съ тонкой свирѣлью, нѣжныя губки—съ кожей лука, зубы—съ правильно расположеннымъ бисеромъ, а слезы на розовыхъ ланитахъ уподобляетъ паденію звѣздъ съ небесной высоты.

Или вотъ еще подобного же рода образная восхваленія:

Скажи мнѣ, дѣвушка, чья ты?
Твои глаза напоминаютъ ежевику;
Лобъ походить на луну,
Появившуюся среди темной ночи;
Лицо же твое подобно утреннему солнцу,
А ростъ тростнику, растущему при морѣ.

Любовью этой красавицы тушины очень дорожить и всякая случайная помѣха или интриги злого разлучника повергаютъ его въ уныніе или въ озлобленіе.

Полюбиль я дѣвицу-красавицу,
Но меня постигло несчастье:

Просилъ ея руки, и мнѣ отказали,
 Злой разлучникъ сталъ между нами.
 Уймись, недругъ, перестань враждовать,
 Укроти свой змѣиный языкъ!
 Вѣдь ты виновникъ нашего разлада.
 Тяжкій же грѣхъ ты взялъ на себя!

Желалъ бы я быть ястребомъ
 И подняться на высокій утесъ.
 Кабы догнать мнѣ твоего похитителя
 И увидѣть, на чьей рукѣ ты лжешъ!..
 Я повѣдаю тебѣ свои мысли,
 Если ты отзовешься на стонъ моего сердца:
 Я уже покидаю этотъ крайъ,
 Иду въ триалеты (горы) за овцами.
 Хоть тогда поплачь обо мнѣ,
 Когда насыплютъ надо мною могилу.

Съ своей стороны за измѣну разъ избранной подругѣ тушина самъ надъ собою произносить неумолимое проклятие „Твоего измѣнника,—говорить онъ красавицѣ въ пѣснѣ,—пусть караетъ всевышній Богъ, пусть бура-урагантъ застигнетъ на безлюдномъ „салбухскомъ“ полѣ и раздробится на куски поднятый на врага сверкающій кинжалъ!“ Тушинъ не знаетъ болѣе страшнаго проклятия. Требуя отъ женщины постоянства, онъ и самъ себя обязываетъ оставаться неизмѣннымъ другомъ своей возлюбленной.

Этотъ лирическій мотивъ остается господствующимъ въ современной тушинской поэзіи. Могучій родникъ поэтическаго творчества тушинъ, дающаго свѣжія, яркія картины жизни и природы, разливается въ современной поэзіи лишь тремя струями: унылой струею недовольства, упоительнымъ потокомъ любви и освѣжющимъ ручьемъ добродушнаго гостепріимства.

А. Хахановъ.